

Когда Ли Жуань проснулся, солнце уже стояло высоко.

Разбудил его шум за окном.

Он встал, всё ещё в полусне потёр глаза, повернул голову — и увидел тень за окном: маленькая синица сидела на подоконнике и клевала ставню.

Он поднял руку — и створка окна распахнулась порывом ветра.

Синица влетела внутрь.

— Ли Жуань, ну как вчера? — важно спросила она. — Цзян Шэнь тебе поверил?

Птичка приземлилась рядом на кровать, задрала головку и самодовольно сказала:

— Разве моя идея не гениальна?

— Но мне кажется, он не совсем поверил, — Ли Жуань снова повалился на кровать, схватил одеяло и прижал к груди. — Он задавал слишком много вопросов, а я не мог на них ответить.

Синица возразила:

— Но если бы он не верил, разве не выгнал бы тебя?

— Это да... — Ли Жуань наклонил голову. — Он всё же позволил мне спать на своей кровати, значит, не так сильно он мне недоверяет.

Он совершенно забыл, что на самом деле притворялся спящим и сам отказался отвечать.

Цзян Шэнь уже давно не было, но запах, принадлежавший ему, ещё не выветрился из комнаты. Ли Жуань крепко обнял одеяло, которым тот накрыл его вчера, и глубоко вдохнул.

Наверное, из-за ребёнка в животе сейчас он был чрезвычайно зависим от запаха Цзян Шэня — без него он даже уснуть нормально не мог.

Одежды, что Цзян Шэнь оставил в его пещере, Ли Жуань за последние дни измял до неузнаваемости — почти испортил.

Но и запаха в этой комнате было мало: Цзян Шэнь приехал в храм лишь вчера вечером и пробыл здесь недолго.

Ли Жуань ещё немного повалялся, пытаясь надышаться, но быстро понял, что этого ему мало.

Настоящий человек лучше.

— Ты знаешь, куда ушёл Цзян Шэнь? — спросил Ли Жуань, садясь.

— Утром он был у алтаря на передней горе, — ответила синица. — Какую-то торжественную церемонию проводил. Я видела.

Вчера Ли Жуань специально дождался глубокого вечера, чтобы прийти к нему. Тогда синица уже спала среди ветвей на переднем склоне. Проснувшись утром, она случайно увидела церемонию возлияний.

— Я пошёл в лес, съел немного фруктов, — синица подпрыгнула, — а когда вернулся, народ у подножия горы уже расходился. Он что, так и не вернулся?

— Наверное, нет, — неуверенно сказал Ли Жуань.

Хотя он спал крепко, в момент, когда Цзян Шэнь уходил утром, он смутно почувствовал движение. Если бы тот вернулся хоть ненадолго, Ли Жуань должен был бы уловить это.

— Но я видел в дворе несколько подносов с закусками, — синица взлетела к окну. — Он их тебе приготовил?

Ли Жуань подошёл к окну и посмотрел туда, куда указывала синица.

На каменном столике действительно лежали несколько тарелок сладостей.

Вчера ночью он не обратил внимания, но теперь понял: раньше там ничего не было.

Неужели это приготовил Цзян Шэнь?

— Да ну их, — махнул рукой Ли Жуань. Сам Цзян Шэнь куда привлекательнее. Он не стал размышлять и обратился в маленькую лисичку. — Пойдём искать его.

Цзян Шэнь должен был вернуться после утренней церемонии.

По правилам, он проводил обряд почитания предков утром, затем днём возвращался в покои

отдыхать и готовиться к завтрашнему заходу в задний храм — где его ждут три дня поста и молитв за здоровье Государя.

Поэтому, проводя церемонию, он думал лишь о том, как будет допрашивать молодого человека, который вчера ночью осмелился ворваться к нему.

Но после церемонии всё пошло не так.

— В задний храм сегодня ночью? — Цзян Шэнь смотрел на чиновника, который стоял перед ним в официальных одеждах и почтительно кланялся. На губах принца появилась тонкая улыбка. — Почему так внезапно? Вчера в расписании этого не было.

Человек, пришедший к нему, был главным жрецом Министерства обрядов и полностью отвечал за проведение великой церемонии почитания предков.

Главному жрецу храма предков было уже за пятьдесят, говорил мягко и доброжелательно:

— Всё верно, Ваше Высочество. Однако прошлой ночью я вместе с жрецами храма наблюдал за звёздами. Сегодняшний день — благоприятный, особенно подходящий для входа в родовой зал и молитв о благополучии.

— Ваше Высочество прибыли сюда молиться за государя. Если сможете войти в зал предков на день раньше, то и предки, и Небо увидят ваше сыновнее почтение и решимость, поэтому...

Он говорил медленно, и по мере того как говорил, Цзян Шэнь становился всё более нетерпелив. Он поднял руку, прерывая его:

— Если так, то, по мнению моего Высочества, вовсе не обязательно ждать вечера. Почему бы не отправиться прямо сейчас?

Главный жрец на мгновение опешил.

— Раз уж речь о том, чтобы показать Небесам мою решимость, — губы Цзян Шэня изогнулись в улыбке, но в глазах не было ни капли улыбки, — то, войдя в зал предков на полдня раньше, я проявлю её ещё лучше. Идите, готовьтесь.

Он не оставил никому возможности возразить — жрец мог лишь вновь поклониться и поспешить выполнять приказ.

Когда тот ушёл, к Цзян Шэню тихо подошёл Юй Сю:

— Ваше Высочество, но...

Цзян Шэнь поднял руку, останавливая его:

— Пойдём в комнату, надо переодеться.

Церемония почитания предков только что закончилась, на Цзян Шэне всё ещё был тяжёлый тёмно-пурпурный ритуальный наряд — громоздкий и неудобный.

Он отвёл Юй Сю в Нуанге — тёплое помещение рядом с алтарём. Слуга сразу подошла, чтобы помочь переодеться.

Он снял тяжёлую церемониальную мантию, оставшись лишь в лёгком лиловом одеянии.

Правила поста и молитв отличались от правил ритуала — всё должно быть предельно простым.

Когда служанка сняла с него венец, Цзян Шэнь тихо произнёс:

— Все выйдите. Мне нужно поговорить с командиром Юй.

Девушка поклонилась и ушла.

Юй Сю подошёл к двери, проверил дверь, заднюю стену и окно — лишь удостоверившись в безопасности, вернулся.

И услышал, как Цзян Шэнь лениво произносит:

— Некоторые не могут подождать и трёх дней.

Юй Сю нахмурился:

— Ваше Высочество действительно собираетесь войти в родовой зал сейчас?

— Ты же слышал, что сказал главный жрец. Если я откажусь — это будет выглядеть так, будто у меня нет ни почтения, ни решимости. — Цзян Шэнь взял деревянную шпильку со стола и собрал растрёпанные пряди. На его лице мелькнула издёвка. — Эти старики только и ждут, когда смогут обвинить меня. Значит, я обязан быть образцом усердия.

Молить предков и богов о здоровье государя — не было его собственным желанием.

По своему характеру Цзян Шэнь скорее десять раз отправился бы искать искусных врачей среди народа, чем поверил бы, что пост, чтение сутр и пару дней в облачной дымке храма способны исцелить затяжную болезнь императора.

Но придворные верили.

Народ верил.

Император — тоже.

Чтобы завоевать доверие народа и старых сановников, приходилось следовать ритуалу.

А если он взялся играть эту роль — то должен сыграть её идеально.

Однако, сказав это, он устало вздохнул:

— Всё это только мешает делам.

Изначально он собирался сразу вернуться и допросить того маленького лгунишку.

Теперь же ему придётся уйти в родовой зал как минимум на три дня.

Какая досада.

Юй Сю обеспокоенно сказал:

— Но безопасность Вашего Высочества...

В правилах родового храма было много ограничений.

Принцу запрещено приводить внутрь стражу.

Кроме жреца, который утром и вечером приносит постную пищу, никто не имеет права приближаться к залу.

Если у кого-то действительно были дурные намерения — сейчас самое удобное время напасть.

Изначально, согласно утверждённой процедуре, Цзян Шэнь должен был войти в родовой зал только завтра, и у Юй Сю ещё было время расставить охрану вокруг храма предков. Но

теперь...

— Всё будет как в изначальном плане, — сказал Цзян Шэнь после недолгого размышления. — Не переживай. Только есть одна небольшая неприятность, и мне нужно, чтобы ты помог.

Юй Сю поклонился:

— Ваше Высочество, прикажите.

— Пошли кого-нибудь приготовить немного закусок и отнеси их во двор, где я ночевал вчера. Просто поставьте во дворе, в дом не входите.

Юй Сю замер.

Он был предан Цзян Шэню, но отнюдь не глуп. Помолчав, он осторожно спросил:

— Ваше Высочество... то предположение, о котором вы упоминали сегодня утром...

Цзян Шэнь повернул голову и посмотрел на него несколько мгновений.

Выражение лица было спокойным — даже слегка невинным.

Юй Сю опустил взгляд:

— Это всего лишь гипотеза. Подчинённый понимает.

Родовой зал находился в глубине комплекса храма предков. Несколько рядов дворовых стен, голубая глазурь черепицы, кругом зелёная тень деревьев — всё было чисто, спокойно и торжественно.

После полудня Цзян Шэнь искупался, переоделся и, сняв с себя всё лишнее, вошёл внутрь в простой одежде.

Обстановка была аскетичной.

В переднем зале стояли таблички предков, перед ними — три подушки для поклонов и чтения сутр. По обе стороны — тёплые павильоны для отдыха.

Когда управитель закрыл дверь и ушёл, Цзян Шэнь остался один.

Он стоял, глядя на ряд табличек.

В этом зале были установлены мемориальные таблички прежних императоров и нескольких героев-основателей государства.

Хотя Цзян Шэнь не верил в духов и богов, но покойные — дело святое, и перед предками он испытывал уважение.

Он зажёл несколько палочек благовоний, поклонился трижды, затем сел за стол сбоку от главного зала.

Пост и молитвы были лишь обрядом, но играть роль означало играть её полностью.

В течение трёх дней он должен был собственноручно переписывать сутры — как знак сыновней почтительности.

Переписанные сутры отправлялись в столицу, чтобы государь ознакомился и затем огласил их народу.

Для Цзян Шэня переписывание было делом пустяков.

Он медленно растёр тушь, взял кисть и, подавляя зевок, принялся писать. Почерк был аккуратным и чётким, несмотря на скуку.

Он успел переписать всего две страницы, когда вдруг раздался стук.

Тук-тук-тук.

Тук-тук-тук.

Звук был лёгким, но в пустом зале слышался очень отчётливо.

Цзян Шэнь слегка постучал кистью по краю стола. Он сразу понял, кто это.

Сонливое выражение лица исчезло бесследно — на его месте появилось живое, почти игривое внимание. Даже в глазах мелькнула улыбка, и сам Цзян Шэнь этого не заметил.

Но он не встал, делая вид, что не слышит, и продолжил писать, выпрямив спину.

Стук повторился — в знакомом ритме, мягко настойчивом.

Обычный человек сдался бы через несколько попыток и ушёл. Но этот человек — определённо упрям. Раз Цзян Шэнь не отвечает, значит нужно стучать дальше, пока дверь не откроется.

Цзян Шэнь хотел выдержать паузу, посмотреть, что тот придумает дальше. Но он не ожидал такой настойчивости.

Если так пойдёт, скоро прибегут стражники — и это устроит ненужный шум.

Пришлось встать.

Он подошёл и приоткрыл створку зала ровно настолько, чтобы выглянуть.

Тут же в проём неловко завалился юноша, опирающийся на дверь, — едва не упав со слабым «ой».

Цзян Шэнь подхватил его.

Юноша был хрупким и стройным, но на ощупь — удивительно мягким, почти невесомым. Полуденное солнце согревало его, он, должно быть, постоял на дворе и хорошо прогрелся, а от его одежды всё ещё исходил свежий запах лесных трав.

Цзян Шэню очень нравилось это ощущение — настолько, что он не хотел отпускать его руку, хотя на лице сделал вид строгого выговора:

— Зачем ты сюда пришёл?

Ли Жуань был куда прямее.

Он зарылся лицом в объятия Цзян Шэня, вдохнул его запах, словно успокаиваясь, и мягко сказал:

— Я пришёл к тебе.

Голос был тихим и нежным.

Иногда Цзян Шэнь чувствовал, что этот юноша ведёт себя как маленькое животное — самое прилипчивое из всех, то, что ни на миг не может отойти от хозяина.

Он с трудом подавил улыбку, сохранял строгость, чтобы не выдать настроения, провёл юношу внутрь зала и закрыл дверь.

— Это и есть родовой зал? — Ли Жуань огляделся по сторонам с любопытством. — Так скучно... Тебе правда нужно сидеть тут три дня взаперти?

Родовой зал всегда был таким: таблички предков, жертвенники, благовония — ничего занимательного.

Но Цзян Шэнь впервые встречал человека, который осмелился говорить об этом вслух.

— Здесь хранятся таблички предков династии, — сказал Цзян Шэнь. — Тебе не страшно оскорблять духов такими словами?

— Да они уже давно переродились, — беззаботно ответил Ли Жуань. — Даже если нет, то вознеслись на небеса. Им какое дело до мирских хлопот? Неужели им приятно возвращаться сюда?

Цзян Шэнь опешил.

Юноша выглядел молодым, даже слегка несмышлёным, но мысли у него оказались удивительно прямыми и ясными.

Прищурившись, Цзян Шэнь ничего не сказал и вернулся к столу:

— Значит, ты просто так, без всяких правил, пришёл в родовой зал? Ты не знаешь, что во время поста и молений сюда никого не пускают?

Ли Жуань виновато поджал губы:

— Нет... не знаю.

Он знал.

Когда он искал Цзян Шэня у храма, будучи в звериной форме, он слышал это от людей снаружи — так и узнал, что Цзян Шэнь будет здесь три дня.

Но три дня — слишком долго.

С таким трудом встретились — и снова разлучаться?

Цзян Шэнь прекрасно видел сквозь эту маленькую ложь. И нарочно сказал строгим голосом:

— Теперь знаешь. Ну? Уходи.

Разумеется, Ли Жуань уходить не собирался. Напротив — подошёл ещё ближе, словно намеренно лип к нему.

— Я не хочу тебя беспокоить... но я с утра ничего не ел. Я так голоден... — Ли Жуань сел рядом со столом и посмотрел на него жалобно. — Я же ношу твоего ребёнка... Мне нельзя голодать. Как ты можешь оставить меня одного?

Рука Цзян Шэня дрогнула — капля туши упала на бумагу.

Он уже понял, что юноша твёрдо уверен в своей беременности, и решил пока не спорить о том, может ли мужчина забеременеть в принципе.

Он положил кисть, сорвал испорченную страницу, смял и отбросил в сторону:

— Я велел принести тебе еды. Разве ты не видел?

Ли Жуань моргнул.

Так значит... действительно для него?

Даже не помня его и не особенно доверяя, Цзян Шэнь всё равно беспокоился, что он останется голодным.

Сердце Ли Жуаня вспыхнуло счастьем.

Но он упрямо сказал:

— Не видел. Я проснулся и сразу пошёл искать тебя.

Маленький лжец.

Цзян Шэнь опустил глаза и наконец позволил себе едва заметную улыбку.

Маленький лжец, который совсем не умеет врать.

Он кашлянул, делая вид, что возвращается к делу:

— Тогда тебе не повезло. Я соблюдаю пост в родовом зале, и еду приносят только утром и вечером. Так что если хочешь дожидаться — придётся ждать два часа.

— Ах, — Ли Жуань удивлённо моргнул, а затем с лёгкой жалостью сказал: — Вот оно что... Быть принцем так тяжело. Неудивительно, что ты раньше не хотел возвращаться.

Цзян Шэнь: — ...

— Тогда я буду голодать вместе с тобой, — серьёзно заявил Ли Жуань. — Мне всё равно.

Цзян Шэнь: Что вообще происходит?

От слов юноши Цзян Шэнь даже потерял дар речи. Он отложил кисть — притворяться, будто продолжает переписывать сутры, было уже бессмысленно — и поднял взгляд:

— Раз ты не хочешь уходить, может, продолжим разговор, который не закончили вчера?

Приём сработал.

Цзян Шэнь отчётливо увидел, как юноша снова занервничал, но, похоже, понял, что улизнуть уже не выйдет. Он будто собрался с духом:

— Спрашивай. Что хочешь знать — спрашивай.

Ещё вчера, когда парень заснул у него в комнате, у Цзян Шэня оставались примерно девяносто процентов сомнений.

После минувшей ночи их стало примерно вдвое меньше.

Этот юноша не умеет скрывать эмоции: ни радости, ни печали, ни правды, ни лжи — всё у него написано на лице.

А Цзян Шэнь видел слишком много людей в своей жизни, чтобы не замечать таких вещей мгновенно.

Но это всё ещё не означало, что каждое слово мальчика — истина.

Проверить нужно было всё равно.

— Раз уж это ты хочешь, чтобы я тебе поверил, то почему спрашиваю я? — спокойно произнёс

Цзян Шэнь. — Ты проделал такой путь до родового храма именно для того, чтобы убедить меня, что ты мой благодетель. Значит, должно быть какое-то доказательство. Что-то, чему я могу доверять.

Он поднял глаза:

— Если у тебя нет доказательств... почему я должен верить?

— Доказательства... — Ли Жуань смущённо почесал волосы.

Он уходил так спешно, что ничего из тех вещей, что Цзян Шэнь оставил у него, с собой не взял. А значит — показать было нечего.

И даже если бы рассказал всё, что произошло за те три месяца, Цзян Шэнь всё равно бы не вспомнил.

Какое уж тут доказательство...

— А! Придумал! — внезапно оживился Ли Жуань. — У меня есть доказательство.

— Ты раньше рассказывал мне истории о дворце, — сказал он. — И я кое-что запомнил.

Большинство историй Цзян Шэнь делился только с немногими приближёнными.

О придворных тайнах и интригах не знали даже многие министры, не говоря уже об обычных людях.

Но Ли Жуань слушал это как сказки у костра — хоть и не всё помнил, но кое-что врезалось ему в память. Он стал вспоминать отдельные обрывки, и выражение лица Цзян Шэня постепенно менялось.

— И ещё — история с губернатором Хугуана, — продолжил Ли Жуань. — Ты приказал своему человеку выдать себя за тебя и специально выманил губернатора в ловушку. Ты говорил тогда, что губернатора прислали испытать тебя. Он был пешкой, у него оставалось два пути: либо сообщить тебе имя настоящего заказчика покушения, либо попытаться убить тебя. Он выбрал второе.

— И ещё... то секретное письмо, которое ты тогда сжёг...

Голос Ли Жуаня оборвался.

Ведь именно он достал то письмо с помощью своей магии. А значит — говорить об этом нельзя.

Цзян Шэнь не перебивал его ни разу, но, заметив внезапный обрыв, произнёс медленно:

— Что насчёт секретного письма?

— С-се... секретное письмо... Я... не помню, какое...

Ложь. Очевидная.

Цзян Шэнь едва слышно выдохнул.

Потому что Ли Жуань действительно путал детали.

Он не понимал половину того, что тогда рассказывал ему Цзян Шэнь, и в нескольких местах спутал события.

Но — одновременно в его словах было много точного.

И множество таких подробностей, о которых знал только сам Цзян Шэнь.

Откуда он мог об этом узнать?

Неужели и правда — из уст самого Цзян Шэня?

Цзян Шэнь поднял взгляд на юношу — и впервые по-настоящему усомнился в себе.

Как он мог за какие-то три месяца рассказать чужаку такие важные тайны?

Он закрыл глаза и спросил снова, тихо, почти не дыша:

— Когда я рассказывал тебе всё это... я что, не говорил, что нельзя говорить об этом другим?

— Ты говорил, — тихо ответил Ли Жуань. — Ты сказал, что многие из этих вещей — высшая тайна. Что если они всплывут наружу, начнётся хаос, и тебя могут просто убрать. Но... раз тебе нужно доказательство, я могу только рассказывать.

Он поднял глаза.

— И потом... ты не посторонний.

Цзян Шэнь молчал.

Ему было нечего возразить.

Он спросил снова:

— Тогда что со секретным письмом?

Поддельное письмо, из-за которого его заманили в столицу, всё ещё лежало в его дворце.

Но в его собственных воспоминаниях — он сам сжёг письмо после получения.

Память того периода была хаотичной, и раньше он думал, что просто путается... но юноша только что сам упомянул письмо.

Не скрывается ли там что-то ещё?

Ли Жуань не отвечал.

Прошло долгое молчание.

Потом он прошептал:

— Можно... не спрашивать об этом?

За все сотни лет, что у него была память, он соврал меньше раз, чем за последние два дня.

Он не умел лгать. И не хотел.

Но он действительно не знал, как объяснить.

— Есть вещи, которые я пока не могу тебе рассказать, — сказал он, осторожно взяв Цзян Шэня за рукав. — Но я не хочу тебе врать. Поэтому... пожалуйста, не спрашивай обо всём этом сейчас. Я рассказал всё, что мог. Просто поверь мне. Ладно? Я правда... просто хотел найти тебя.

Сердце Цзян Шэня дрогнуло.

Если бы дело было только в доказательствах того, что юноша его знает, — того, что он уже сказал, было более чем достаточно.

За последние десятилетия Цзян Шэнь построил сеть связей по всей столице и Центральным равнинам — сложную, многоуровневую, где даже его собственные люди не всегда знали друг о друге.

Некоторые вещи, кроме него, знал только Юй Сю.

Но юноша перечислил всё одно за другим.

Местами путаясь, но — в точку.

И многое из сказанного мог знать только он сам.

Значит... он действительно это рассказывал.

И, похоже, за те несколько месяцев он доверял ему полностью.

Если он так сильно любил его тогда...

А теперь не только забыл — но ещё и заставляет самого Ли Жуаня доказывать своё существование...

Как же жестоко.

Оказывается, он многое ему задолжал.

И...

Цзян Шэнь глубоко вдохнул.

Если отбросить логику, сомнения, осторожность — оставалось самое честное чувство внутри.

Он не хотел давить.

И не хотел снова видеть, что юноша страдает.

Пусть так.

Когда придёт время — он узнает всё сам.

Этот мальчик и так вынес слишком многое.

Не стоит прижимать его ещё сильнее.

Приняв решение, он спросил:

— Как твоё имя?

— Ли Жуань, — ответил тот. — Но раньше ты звал меня маленьким лисом.

— Маленьким лисом? — Цзян Шэнь вдруг вспомнил лисий нефритовый кулон, оставленный рядом с ним. — Значит, это ты подарил мне тот кулон?

— Кулон? — Ли Жуань растерялся. — Да, я подарил. Он был превращён из..

Он запнулся.

— Розовый такой... в виде маленького лиса, да?

— Точно, — подтвердил Цзян Шэнь. — Я хотел найти его хозяина, поэтому не выбросил. Конечно, я не стал бы этого делать.

Ли Жуань моргнул.

— Ты... искал меня?

Цзян Шэнь кивнул:

— Да.

Юноша сидел, опершись локтями о стол, слегка наклонив голову, его глаза светились так, как никто из людей не умел смотреть.

И, услышав ответ, он вдруг радостно улыбнулся.

— Тогда... теперь ты нашёл.

Хотя Цзян Шэнь ничего не помнил — он всё равно продолжал искать его.

И Ли Жуань неожиданно понял: А-Сюэ был прав.

Не стоило недооценивать смертных.

Между ними осталось слишком много следов.

Даже если бы Ли Жуань сам не пришёл в мир людей — рано или поздно, но Цзян Шэнь всё равно нашёл бы его.

Вспомнить гору Чанмин, вспомнить то стирание памяти.

Цзян Шэнь больше не давил, и Ли Жуань наконец смог выдохнуть.

Но стоило расслабиться — желудок заурчал ещё громче.

Бур-р-р.

В тишине храма звук прозвучал особенно странно.

Цзян Шэнь остановился и оглянулся.

Юноша свернулся клубком на мягком циновочном коврикe за ним, с закрытыми глазами — будто спал.

Полчаса назад он ещё старательно хотел помогать Цзян Шэню, но писать-то не умел, поэтому сидел рядом, подливал воду, растирал тушь...

Хватило его ненадолго — он уполз в сторону и уснул.

Бур-р-р.

Теперь Цзян Шэнь услышал отчётливо — звук шёл от его живота.

Даже во сне тот голодал и громко просил еды.

Цзян Шэнь положил кисть, прикинул время, встал и вышел из храма.

Пока наследный принц молится, ни одного постороннего у зала быть не должно — ни внутри, ни снаружи.

Цзян Шэнь прошёл весь двор, миновал три воротных пролёта, вышел за ограду и наконец увидел стражу.

— Ах, Ваше Высочество! — управляющий подскочил. — Почему вы вышли? Во время моления выходить нельзя, это...

Цзян Шэнь оборвал холодно:

— Я голоден. Принесите еды.

— Но пост..

Лёгкий взгляд — и управляющий тут же изменился в лице:

— Да-да, конечно! Уже вечер, время ужина... Сейчас же распоряжусь!

Цзян Шэнь кивнул и добавил сухо:

— И еды принесите побольше. Я очень голоден.

Отдав распоряжение, он вернулся в храм.

Юноша всё лежал в той же позе, тихо посапывая.

Скоро принесут ужин, но никто не должен видеть, что в наследном храме спит посторонний юноша.

Даже наложницы низшего ранга не имеют права сюда входить, что уж говорить про него.

Если узнают, что принц в период поста и молитвы привёл в храм кого-то...

Это невозможно объяснить.

Цзян Шэнь подошёл ближе, наклонился — но будить его не спешил.

С близкого расстояния было особенно заметно, насколько прекрасны черты юноши —

ослепительно яркое лицо, к которому даже самым придирчивым взглядом сложно найти хоть один изъян.

Цзян Шэнь задумался, протянул руку и кончиками пальцев провёл по его щеке.

— Честно говоря... — тихо спросил он. — Ты соблазняешь меня?

Он и вправду никак не мог понять, что заставило его несколько месяцев назад потерять всю осторожность перед таким незнакомцем.

Рассказать ему всё — это ведь было совсем не похоже на него.

— Я и хочу тебя соблазнить... — пробормотал Ли Жуань.

Похоже, от голода спал неглубоко: едва услышав голос, ответил машинально, ещё не проснувшись. — Но у меня всё равно не получается...

Цзян Шэнь рассмеялся:

— Выглядит так, будто всё-таки получилось.

Если юноша говорил правду... тот прежний «он» действительно, кажется, полностью сдавался.

Ли Жуань был всё ещё сонный, ленился шевелиться, голос сонный, тянувшийся:

— Может, и получилось потом... Не знаю. Но я точно знаю другое...

— Что же? — спросил Цзян Шэнь.

Ли Жуань открыл глаза, улыбнулся — в его взгляде сверкнула хитрость:

— Ты так близко ко мне наклонился... Скажи, ты ведь хочешь меня поцеловать?

Цзян Шэнь замер.

Так вот каким он бывал, когда хотел поцеловать его.

Точно таким же.

<http://bllate.org/book/14444/1277243>